УДК 294.321
DOI: 10.30792/2949-5768-2023-1-80-97

Е. С. Лепехова[1]

УЧАСТИЕ БУДДИЙСКИХ МОНАХОВ В ДВОРЦОВЫХ ИНТРИГАХ В ПЕРИОД ДИНАСТИИ ТАН (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ МОНАХА ХУЭЙФАНА)

Основной темой данной статьи является использование буддийских аспектов в политической борьбе наследников императрицы У Цзэтянь (придворные заговоры императрицы Вэй в 707 г. и принцессы Тайпин в 713 г.) В этой борьбе за власть также активно использовался буддизм в качестве идеологического средства, подтверждением чего может служить история возвышения и падения монаха Хуэйфана 惠範 (?–713). В период с 705 по 713 гг. он пользовался покровительством императрицы У Цзэтянь, императоров Чжун-цзуна и его брата Жуй-цзуна, их сестры – принцессы Тайпин, а также супруги Чжун-цзуна – императрицы Вэй. Значительный успех буддистов во время правления У Цзэтянь активизировал силы, приближенные к императорскому двору, с целью развить буддийские доктрины и воспользоваться ими в своих целях.

Ключевые слова: У Цзэтянь, Хуэйфан, императрица Вэй, Чжун-цзун, Жуй-цзун, принцесса Тайпин, буддизм.

E. S. Lepekhova

PARTICIPATION OF BUDDHIST MONKS IN PALACE INTRIGUES DURING THE TANG DYNASTY (USING THE STORY OF MONK HUIFANG AS AN EXAMPLE)

The main topic of this study are the Buddhist aspects in the political struggle of the heirs of Empress Wu Zetian (the court conspiracies of Empress Wei in 707 and Princess Taiping in 713) In this struggle for power, Buddhism was also actively used as an ideological means, shown as an example on the story of the rise and fall of Monk Huifang (?–713). In the period from 705 to 713, he enjoyed the patronage of Empress Wu Zetian, Emperors Zhong-zong and his brother Rui-zong, their sister, Princess Taiping, as well as Zhong–zong's wife, Empress Wei. The significant success of the Buddhist clergy during the reign of Wu Zetian, activated pople close to the imperial court in order to use the Buddhist doc-

[1] Лепехова Елена Сергеевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра «Государство и Религия в Азии» Института Китая и современной Азии РАН (г. Москва, Россия). E-mail: elene2278@gmail.com.

trine for their own purposes. The Empress's entourage and her closest relatives tried to make the most of their remaining influence, striving to use the opportunities opened by the Empress.

Keywords: Wu Zetian, Huifang, Empress Wei, Zhong-zong, Rui-zong, Princess Taiping, Buddhism.

По мнению исследователей истории танского Китая, десятилетний период с 705 по 713 гг. стал временем обостренной политической борьбы за власть между членами императорского клана Ли. Начало этим событиям положило смещение императрицы У Цзэтянь (У-хоу, У Чжао, 623–705) сторонниками ее сына Ли Чжэ – императора Чжун-цзуна, стремившихся реставрировать династию Тан. Время правления У Цзэтянь можно охарактеризовать как время укрепления императорской власти, формирования иерархизированного чиновничьего аппарата империи, набираемого на основе экзаменационных испытаний, а не благодаря наследственным привилегиям. Следует отметить, что в этот период также активно формируется религиозная бюрократия, представленная буддийским и даосским духовенством. В раннем танском обществе буддийские монахи в наибольшей степени располагали людьми, средствами, разветвленной системой монастырей и развитой системой идеологических механизмов религиозной пропаганды. Привлечение буддийского духовенства для императрицы У Цзэтянь было необходимым условием обеспечения легитимности правления женщины, поскольку конфуцианская традиция такого не предусматривала. Значительный успех буддистов во время правления У Цзэтянь активизировал силы, приближенные к императорскому двору, с целью развить его и воспользоваться в своих целях. Приближенные императрицы и ее ближайшие родственники постарались извлечь максимум выгоды из сохранившегося влияния, стремясь использовать открытые императрицей возможности. Эта тенденция проявилась в участии буддийских монахов в политической борьбе за власть при преемниках У Цзэтянь в период с 705 по 713 гг., что проявилось в истории монаха Хуэйфана.

Несмотря на то, что после своего восшествия на престол 24 февраля 705 г. император Чжун-цзун официально объявил о восстановлении династии Тан, родственники императрицы из семьи У и её сторонники не утратили своего положения при дворе. Племянник покойной императрицы,

У Саньсы (?–707), с помощью Шаньгуань Ваньэр[1] (одной из наложниц Чжун-цзуна, которая ранее служила императрице У-хоу и была известна как талантливая поэтесса) заручился поддержкой супруги Чжун-цзуна, императрицы Вэй. [История Китая 2014: 264] Он сумел упрочить свое положение, устроив брак своего сына У Чунсюня и принцессы Аньлэ (684–710), и добился того, что его противник – Чжан Цзяньчжи и другие участники заговора 705 г. были понижены в должности и затем казнены. Вскоре после женитьбы сына У Саньсы посоветовал императору даровать Аньлэ ранг Августейшей наследницы престола (*хуантайнюй*). Возможно, что изначально это было инициативой самой принцессы и ее матери, императрицы Вэй. Однако Чжун-цзун предпочел последовать совету сановника старшего поколения Вэй Юаньчжуна[2], [Там же: 265] указавшего, что назначение принцессы не найдет отклика у подданных Поднебесной и приведет к путанице в титулах, поскольку в этом случае невозможно будет подобрать подходящее именование супругу принцессы У Чунсюню [История Китая 2014: 265].

Последовавшее за смертью У Цзэтянь десятилетие также ознаменовалось преобладанием при дворе влияния женщин. Помимо императрицы и принцессы Аньлэ значительную роль в сфере власти играла младшая дочь У Цзэтянь – принцесса Тайпин, которая поддержала заговор против матери, за что Чжун-цзун удостоил ее особого титула Чжэньго Тайпин-гунчжу (Защитившая престол принцесса Великого мира). В начале 706 г. император издал беспрецедентный указ, позволяющий Тайпин-гунчжу, а также пяти своим дочерям, включая принцессу Аньлэ, открыть собственные канцелярии (*фу*), с особым штатом чиновников. Ранее такую приви-

[1] О Шаньгуань Ваньэр известно, что она была внучкой сановника Шаньгуань И, которого в 664 г. казнили за противодействие возвышению У-хоу. Вся его семья была обращена в рабство и Ваньэр сначала была прислугой во дворце. Но благодаря своим способностям и трудолюбию к 698 г. он возвысилась до положения личного секретаря У Цзэтянь и стала автором текстов многих ее указов. У Цзэтянь ценила ее таланты и даже советовалась с ней, но за какой-то проступок велела нанести позорящую татуировку на ее лицо. К началу 705 г. Шаньгуань Ваньэр имела статус наложницы Чжун-цзуна (*цзеюй*), продолжала участвовать в подготовке текстов указов и также, как и императрица, имела связь с У Саньсы.

[2] Сосланный У Цзэтянь за порицание братьев Чжан, Вэй Юаньчжун был возвращен Чжун-цзуном в столицу и пожалован должностью начальника управлений императорских регалий (*вэйвэйцин*). Затем он возвысился до постов главы Императорской канцелярии и главы Государственного секретариата.

легию имели только принцы, кровные родственники императора мужского пола. Решения императора часто основывались на советах императрицы Вэй и Шаньгуань Ваньэр. Так, по их совету в 5-м месяце 705 г. он издал указ, предписывающий соблюдать трехлетний траур по матерям, которые разведены с отцами [История Китая 2014: 265].

До сих пор точно не известно, кто был предводителем клики, сформировавшейся в первые годы при дворе Чжун-цзуна, но, похоже, в то время активную роль в ней играл У Саньсы. Совместно с императрицей Вэй, он проводил политику, направленную на сохранение политических и религиозных институтов, созданных при императрице У-хоу. Однако его вмешательство в государственные дела вызывало недовольство третьего сына императора – Ли Чжунцзюня, который был объявлен наследным принцем в 706 г. В следующем году, осознавая всю шаткость своего положения на фоне непрекращающихся попыток клики императрицы Вэй и У Саньсы сместить его, он решился поднять войска. Поддержку ему оказал ряд генералов во главе с Ли Доцзо, прославившимся в боях с тюрками и подавлении мятежа киданей. В 7-м месяце 707 г. Ли Чжунцзюнь и его сторонники вместе с 300 гвардейцами ворвались в дом У Саньсы и убили его вместе с его сыном. Затем они отправились на поиски Шаньгуань Ваньэр, которая, однако, сумела спастись и предупредить императорскую семью. Все они укрылись в надвратной башне ворот Сюаньумэнь, обороняемой личной гвардией Чжун-цзуна. Во время штурма император появился на террасе башни и обратился к гвардейцам с призывом убить своих предводителей, затеявших бунт. Вняв приказу, солдаты убили Ли Доцзо и других генералов, но Ли Чжунцзюнь с сотней гвардейцев вырвался из Чаньани, однако вскоре его приближенные убили его [История Китая 2014: 266].

После смерти У Саньсы при дворе произошла перестановка сил. Шаньгуань Ваньэр, решив дистанцироваться от императрицы Вэй и принцессы Аньлэ, начала сближаться с принцессой Тайпин и Жуй-цзуном. В ходе расследования по делу Ли Чжунцзюня императрица Вэй и принцесса Аньлэ попытались обвинить Тайпин и Жуй-цзуна в связях с заговорщиками. Это привело к тому, что в течении последующих семи лет развернулась ожесточенная борьба за престол между императрицей Вэй, ее мужем Ли Чжэ и его братом Ли Данем (Жуй-цзуном), между дочерью У Чжао – принцессой Тайпин и ее племянником Ли Лунцзи, будущим императором Сюань-цзуном, 712–756). В этой борьбе за власть также активно исполь-

зовался буддизм в качестве политического средства, подтверждением чего может служить история возвышения и падения монаха Хуэйфана 惠範 (?–713). В период с 705 по 713 гг. он пользовался покровительством императрицы У Цзэтянь, императоров Ли Чжэ и его брата Ли Даня, их сестры – принцессы Тайпин, а также супруги Ли Чжэ – императрицы Вэй. Как указывается в источниках: хрониках «Цзю Таншу 舊唐書» (945 г.), «Синь Таншу 新唐書» (1060 г.), «Цзычжи тунцзянь» (1084 г.) и частных записях «Чаое цянцзай 朝 野僉載» (713?–716?) (составлены Чжан Чжо 張鷟, 660?–740 гг.), на возвышение Хуэйфана во многом повлияла его близость к императрице Вэй и к принцессе Тайпин, обусловленная также участием в их придворных заговорах. Это вмешательство в придворные интриги, в конце концов, стоило ему жизни. В 713 г. принцесса Тайпин организовала тайный заговор с целью свержения своего племянника, императора Сюаньцзуна. Однако заговор был раскрыт, и по приказу императора принцесса совершила самоубийство, а ее сторонники, в число которых входил монах Хуэйфан, были казнены.

О происхождении самого Хуэйфана почти ничего не известно. В буддийском источнике «Да Сун сэнши лю 大宋僧史略», составленном в 982 г. Чжаннином, он назван «монахом-варваром (*хусэн* 胡僧)», что говорит о его некитайском происхождении [Chen Jinhua 2016: 147]. Чжан Чжо 張鷟 в «Чаое цянцзай» называет его «монахом-брахманом 婆羅門僧», на основании чего исследователь Чэнь Цзинхуа предположил, что Хуэйфан мог быть выходцем из Индии или Центральной Азии [Chen Jinhua 2016: 147].

Как сообщает тот же Чжаннин, при императоре Чжун-цзуне Хуэйфан удостоился целого ряда почестей наряду с такими высокопоставленными буддийскими патриархами, как Фацзан. Так, во втором году эры Шэнлунь (19 января 706 г. – 20 февраля 707 г.) во время церемонии, связанной с завершением строительства монастыря Шэньшансы 聖善寺, он, вместе с другими девятью монахами (в число которых входил Фацзан), получил придворное звание *чаосан дафу* 朝 散大夫, пятый ранг и сопутствующие ему привилегии. Позднее, в награду за сооружение бронзовой статуи Будды для этого монастыря, ему был дарован более высокий третий ранг *чжэнъи дафу* 正議大夫, титул *гуна* Шаньяна (*Шаньян гунцзюэ* 上庸公爵) и пост настоятеля храма Шэньшансы [Chen Jinhua 2016: 147]. Примечательно, как указывает Чжанин, что эти должности Хуэйфан полу-

чил по рекомендации принцессы Тайпин. Это указывает на то, что уже в ранние годы правления императора Чжун-цзуна он пользовался поддержкой женщин из императорского рода. Этот факт находит подтверждение в других источниках, прежде всего, «Синь Таншу», «Цзю Таншу», «Цзычжи тунцзянь», «Тан хуэйяо» и «Да Тан синью». Во всех них упоминается о меморандуме придворного чиновника Хуан Янфана 桓彦範 (653–706), составленном в 705 г. для императора. В нем резко осуждалось поведение «монаха-варвара 胡僧» Хуэйфана, который ложно использует Учение Будды, обманывая императрицу и других наложниц императорского гарема, благодаря этому имеет доступ во «внутренние покои дворца» (т.е. женскую половину) и вмешивается в дела государства [Chen Jinhua 2016: 166]. На основании того, что Хуэйфан якобы использует магию (左道) для участия в государственных делах, Хуан Янфан рекомендовал императору казнить его, однако, судя по тому, что в последующие годы Хуэйфан получил вышеупомянутые титулы и продолжил свое возвышение, этот меморандум был оставлен без внимания. Сыма Гуань, составитель «Цзичжи тунцзянь», сообщая об этом меморандуме, комментирует его, добавляя следующие примечательные подробности. Согласно им, Хуэйфан начал свою придворную карьеру благодаря тесной дружбе с братьями Чжан – последними фаворитами императрицы У Цзэтянь. При этом он состоял в хороших отношениях с императрицей Вэй, супругой императора Чжун-цзуна. Когда братья Чжан были устранены придворной коалицией во главе с Чжан Цзяньчжи, императрица Вэй объявила, что Хуэйфан также участвовал в заговоре против братьев Чжан. За это он был щедро награжден в том же году, получил право свободно входить во дворец, и даже сам император тайно навещал его несколько раз [Chen Jinhua 2016: 167].

Тот факт, что Хуэйфан был другом братьев Чжан, также свидетельствует о том, что он входил в круг приближенных самой императрицы У Цзэтянь. Это подтверждается Чжан Чжо в «Чаое цянчжай», где говорится, что императрица считала его «совершенномудрым монахом 聖僧» и осыпала подарками и наградами [Chen Jinhua 2016: 163]. Однако, судя по упоминанию в «Цзычжи тунцзянь», он был также близок к императрице Вэй, и, возможно, к придворной коалиции, поддерживавшей императора Чжун-цзуна. Очевидно, почувствовав изменения политического климата, Хуэйфан оставил своих прежних покровителей и, поддерживаемый императрицей Вэй, принял участие в дворцовом перевороте 705 г., завершив-

шимся казнью братьев Чжан и устранением от власти императрицы У Цзэтянь. В награду за это, как дает понять Сыма Гуань, он получил титул Шаньян-гуна и пост настоятеля храма Шэньшансы [Chen Jinhua 2016: 163]. Это противоречит вышеупомянутому сообщению Чжанина о том, что Хуэйфан получил пост настоятеля благодаря протекции принцессы Тайпин. Однако в биографии самой принцессы в «Цзю Таншу» содержится упоминание о ее близких отношениях с Хуэйфаном, которого она рекомендовала императорскому двору в качестве настоятеля Шэньшансы. Это упоминание, по мнению, Чэня Цзинхуа, является решающим доводом, подтверждающим тот факт, что свои первые придворные должности Хуэйфан получил уже после дворцового переворота 705 г. [Chen Jinhua 2016: 171]. Также это может свидетельствовать о том, что, начиная с 706 г., помимо покровительства императрицы Вэй и императора Чжун-цзуна, он открыто пользуется поддержкой принцессы Тайпин.

К 707 г., согласно записи в «Цзичжи тунцзянь», Хуэйфан, помимо титула Шаньян-гуна, являлся также настоятелем трех буддийских монастырей: Симинсы, Шэньшансы и Тяньчжунсы. Наиболее известным среди них являлся Симинсы, основанный в 656 г. в Чаньани императором Ли Чжи (Гао-цзуном). В этом монастыре проживали знаменитые монахи Сюаньцзан 玄奘 (602–664) и Даосюань 道宣 (596–667). Он считался одним из крупнейших центров буддийского образования на Дальнем Востоке, здесь обучалось множество монахов из Кореи и Японии, среди них прославившиеся у себя на родине корейский монах Вончук 圓測 (613–696) и японский монах Кукай 空海 (774–835) [Chen Jinhua 2016: 178]. Другой монастырь, Шэньшансы, находился в Лояне, и, согласно «Цзичжи тунцзянь», его строительство было завершено под руководством Хуэйфана, за что император назначил его на пост настоятеля. По сообщениям источников («Цзычжи тунцзянь» и «Тан хуэйяо»), строительство монастыря, как и возведение гигантской статуи Будды в Чаньло также под руководством Хуэйфана, потребовало огромных расходов из государственной казны. Поэтому в 707 г. главный цензор Вэй Чуаньгун подал императору новую жалобу на Хуэйфана, в которой обвинял монаха в хищении государственных средств, выделенных на строительство Шэньшансы. Император был вынужден лишить Хуэйфана одной из его придворных должностей и отправить под домашний арест [Chen Jinhua 2016: 172–177]. После этого Хуэйфан исчез с политической сцены на три года, вплоть до смерти Чжун-цзуна в 710 г.

В этот период при дворе шла борьба за власть между двумя группировками, одну из которых возглавляла императрица Вэй. Им противостояли младший брат императора Ли Дань, его сын – принц Ли Лунцзи и принцесса Тайпин. В июле 710 г. император Чжун-цзун внезапно скончался. При дворе распространились слухи, что его отравили императрица Вэй и принцесса Аньлэ, что отчасти подтверждалось дальнейшими действиями Вэй-хуанхоу. Не возвещая о смерти императора, она призвала во дворец своих родственников и верных генералов, которые составили там ее охрану. Императрица решила править от своего имени, объявив Аньлэ наследницей престола. Но в это время Тайпин-гунчжу и Шаньгуань Ваньэр сфабриковали посмертный рескрипт, согласно которому на престол возводился Ли Чжунмао (Шан-ди), сын Чжун-цзуна от наложницы. Императрица Вэй в этих условиях должна была принять титул «вдовствующей императрицы» и стать регентшей при императоре-подростке. Этот указ, обнародованный через два дня после смерти Чжун-цзуна, стал результатом компромисса между дворцовыми группировками. Вначале предполагалось, что вторым регентом будет Ли Дань (Жуй-цзун), но сторонники императрицы Вэй – ее родственник Вэй Вэнь, Цзун Чукэ и Цзи Чун – сумели отвергнуть этот план под тем предлогом, что жена старшего брата и младший брат мужа не имеют права общаться между собой, и регентом при новом императоре Шан-ди (июль 710 г.) стала лишь вдовствующая императрица Вэй [История Китая 2014: 267].

Сторонники императрицы убеждали ее расправиться с принцессой Тайпин и Ли Данем и основать новую династию по примеру У Цзэтянь.

Этот план выдал противникам императрицы чиновник Цуй Жиюн (673–622), который тайно встретился с сыном Жуй-цзуна Ли Лунцзи (685–762), будущим императором Сюань-цзуном (г.п. 715–756). Ли Лунцзи привлек на свою сторону тетку, принцессу Тайпин, которая оставалась ключевой фигурой их группировки. Они решили действовать незамедлительно, и вечером 21 июля 710 г. Ли Лунцзи со своими сторонниками проследовал во дворец в полном вооружении. Многие гвардейцы, состоявшие ранее под их началом, присоединились к заговорщикам. Императрица Вэй, принцесса Аньлэ, Шаньгуань Ваньэр и их сторонники были убиты, а юный император Шан-ди под давлением Тайпин-гунчжу вынужден был отречься от престола в пользу Ли Даня, который был провозглашен императором 18 июля 710 г. под именем Жуй-цзуна [История Китая 2014: 267].

В первые годы его правления реальная власть фактически находилась в руках его сына Ли Лунцзи и его сестры – принцессы Тайпин. Император обсуждал с нею дела управления, все назначения и отставки зависели от ее слова, и самые влиятельные сановники «толпились у дверей принцессы Тайпин как на рынке». Принцесса была необычайно богата, ее резиденция выглядела столь же пышно, как и императорский дворец [История Китая 2014: 267].

Она считалась самой могущественной женщиной в стране и назначала на государственные посты своих ставленников, которые получили название «сефэнгуань 斜封 官»[1]. В этой связи вновь появляется имя Хуэйфана в 711 г. В этот период император особым указом пытался устранить всех «сефэнгуань» с государственной службы, однако, благодаря вмешательству Тайпин и других придворных, вынужден был вернуть их обратно. Имя Хуэйфана упоминается в этой связи в докладе одного из дворцовых чиновников, Лю Цзе, который обвинил его в том, что он и принцесса наживаются на продаже государственных должностей торговцам и простолюдинам [История Китая 2014: 181]. В том же году против Хуэйфана вновь были выдвинуты обвинения цензорами Сюэ Дэном и Мужун Сюном. Этот монах обвинялся уже в более серьезных преступлениях – хищениях государственных средств и незаконной связи с принцессой Тайпин. Однако, благодаря ее покровительству, все обвинения с Хуэйфана были сняты, а его обвинители понижены в должностях и сосланы. Как отмечают современники, Хуэйфан в этот период обладал большой властью и даже пользовался привилегиями для членов императорской семьи. Как отмечает Чжан Чжо в «Чаое цянцзай», он въезжал во дворец на императорской колеснице и его сопровождала свита из дворцовых евнухов, т.е. обладал теми же привилегиями, что и Сюэ Хуайи при императрице У Цзэтянь [История Китая 2014: 163]. В «Синь Таншу» также указывается, что он обладал огромными богатствами, насчитывающими десять миллионов лянов [Chen Jinhua 2016: 172].

Как правило, политический успех Хуэйфана и его тесная связь с членами императорской семьи связывались с его умением применять так называемые «магические практики» (左道), благодаря которым он якобы добился расположения императриц У и Вэй, императора Чжун-цзуна и

[1] Букв. «чиновник с косым конвертом», поскольку такие чиновники получали незаконные назначения за деньги в сложенном наискось конверте.

принцессы Тайпин. Судя по тому, что принцесса называла его «царем Брахмой 為梵王» (как указывается в «Чаое цянцзай»), он мог давать членам императорской семьи посвящения в индийские тантрические практики с целью укрепления здоровья и продления жизни, за что недоброжелатели обвиняли его в колдовстве [Chen Jinhua 2016: 163]. Это косвенно подтверждается тем фактом, что в 706 г., на церемонии при дворе, когда Хуэйфан получил титул Шаньян-гуна и третий придворный ранг за строительство монастыря Шэньшансы, таких же наград удостоились и даосы Ши Чунсюань, Е Цзиньнэн и др. Хотя некоторые историки (Сыма Гуан) сомневаются в том, что даосские священнослужители могли иметь отношение к строительству буддийского монастыря, это упоминание о награждении буддийских монахов и даосов высокими придворными рангами в «Цзю Таншу» может свидетельствовать о том, что императорский двор во времена правления Чжун-цзуна испытывал особый интерес к буддизму и даосизму. Это предположение подтверждается следующим фактом. Как сообщает буддийский историк Чжифан, в 709 г. император пригласил во дворец Линьгуань монаха-переводчика Бодхиручи (Дхармаручи, 572?–727) и других монахов для чтения и толкования новых переводов сутр, а затем устроил для них трапезу и повелел изобразить их портреты на стене дворца [Chen Jinhua 2004: 127].

В 705 г. из-за разлива реки Ло случилось наводнение, и около 2000 человек лишились своих домов. В связи с этим придворный чиновник Сунь Угуан, принадлежавший к проконфуцианской партии, подал императору доклад, в котором рекомендовал предпринять императору ряд мер, в том числе убрать с ответственных государственных должностей родственников прежней императрицы У-хоу во главе с ее племянником У Саньсы и удалить от двора «магов» (кит. *фанши* 方士), таких, как Е Цзиньнэн и Чжэн Пуси, которые занимают высокие посты только благодаря своим познаниям в магии. Примечательно, что позднее, в 709 г., он также высказался против расширения территории храма Шэньшансы, что дает основание видеть в нем члена конфуцианской оппозиции буддийско-даосской партии при дворе Чжун-цзуна, некоторые члены которой (например, Хуэйфан) были также связаны с партией родственников покойной императрицы [Chen Jinhua 2006: 150, 166].

Чэнь Цзинхуа выдвигает предположение о том, что в действительности деятельность Хуэйфана могла иметь гораздо более глубокое значение, что было напрямую связанно с его руководством строительства мона-

стыря Шэньшансы и статуи Будды в Чаньло [Chen Jinhua 2006: 114–115]. Как утверждается в источниках периода Сун «Тан хуэйяо» и «Суйтан цзяхуа», этот монастырь был построен по приказу Чжун-цзуна в память о его матери, императрице У Цзэтянь. В последнем источнике уточняется, что в монастыре находился павильон Баоцигэ 報慈閣 (Павильон Воздаяния за Милосердие), в котором находилось изображение Будды, некогда пребывавшее в храмовом комплексе Минтан, принадлежавшем императрице У-хоу. Антонино Форте предполагает, что строительство (или реконструкция) монастыря и возведение павильона проводились в течении 706–707 гг. и могли быть вызваны следующими обстоятельствами: стремлением приближенных покойной императрицы У-хоу сохранить ее наследие и природными катаклизмами в первые годы правления Чжун-цзуна (сообщения о наводнении в 705 г., засухе в 707 г.). В качестве подтверждения он ссылается на запись в «Синь Таншу», где говорится о том, что племянник покойной императрицы У Саньсы напомнил императору о том, что его отец, Ли Чжи, совершил ритуал поклонения Небу и Земле на горе Тайшань, а мать, императрица У Цзэтянь, совершила ту же церемонию на горе Суншань и построила Минтан. Поскольку императору не следовало забывать великие деяния своих родителей, У Саньсы предлагал ему восстановить названия некоторых округов, созданных еще покойной императрицей. В 707 г. случилась сильная засуха, и император отправил У Саньсы и У Ючжи (мужа принцессы Тайпин) совершить моление о дожде у гробницы У Цзэтянь. В той же записи упоминается о докладе придворного чиновника Куана Жони, который восхвалял императора за строительство павильона Баоцигэ как проявление сыновней почтительности к матери – императрице У-хоу и также рекомендовал императору сохранить названия округов, введённых в правление его матери [Forte 1976: 222].

На основании этих данных можно сделать следующие предположения. Вполне возможно, что павильон Баоцигэ был воздвигнут императором в качестве посмертных почестей для упокоения души его покойной матери, У Цзэтянь. Видимо, для этой же цели также проводились моления о дожде перед ее гробницей, поскольку императорский двор, судя по всему, предполагал, что, умилостивив посмертными почестями ее душу, сможет избавиться от засухи. Тот факт, что для этого были выбраны племянник и зять покойной императрицы, может свидетельствовать о том, что при дворе по-прежнему продолжали играть активную роль родственники и сторонники У Цзэтянь, возглавляемые ее племянником У Саньсы

(и, возможно, принцессой Тайпин), которые стремились сохранить введенные ей положения и законы. В этой связи представляется логичным, что ответственным за строительство Шэньшансы (а затем и его настоятелем) стал Хуэйфан, который с самого начала входил в число приближенных императрицы У-хоу.

Особый вопрос среди исследователей вызывает идентификация помещенной в павильон Баоцигэ статуи Будды. Антонино Форте на основании сопоставления данных о помещении в монастырь Баймасы статуи Будды из Минтана У Цзэтянь и одновременном изготовлении такой же статуи для Баоцигэ убедительно доказывает, что обе статуи были изображением Будды Майтрейи. Возведением первой статуи по поручению У Цзэтянь руководил монах Хуайи, который, как известно, был приверженцем культа Майтрейи. Изначально она предназначалась для комплекса Тяньтана, но после того, как тот был уничтожен ураганом, перенесена в Минтан, а затем, после пожара Минтана, помещена в Баймасы. Есть все основания полагать, что статуя Будды для павильона Баоцигэ сооружалась по образцу статуи из Баймасы и также представляла из себя изображение Будды Майтрейи [Forte 1976: 230–231]. Как отмечает Чэнь Цзинхуа, иероглиф «цы 慈» в названии павильона также входит в китайское наименование Майтрейи – Цыши (慈氏). Как известно, этот титул одно время использовала сама императрица У-хоу, которая под влиянием монаха Хуайи сама пыталась отождествить себя с воплощением Будды Майтрейи. Поэтому название павильона также может служить косвенным доказательством того, что помещенная там статуя была изображением Майтрейи [Chen Jinhua 2006: 148]. Примечательно, что в том же 706 г., одновременно с императорским проектом строительства Шэньшансы-Баоцигэ, монах Хуэйюнь (655–713) занялся сооружением бронзовой статуи Майтрейи высотой в восемнадцать *чи* (5.8 метров) в Бяньчжоу недалеко от Лояна. Помимо Хуэйюня, работами по воздвижению статуи руководили придворный чиновник Вэй Шили (660–719) и некий высокопоставленный монах из столичного монастыря Фошоуцзисы. Вэй Шили занимал при дворе высокое положение и был одним из доверенных лиц императора Чжун-цзуна и императрицы Вэй. О монахе почти ничего не известно, однако сам монастырь Фошоуцзисы в свое время находился под покровительством императрицы У-хоу и был известен своей приверженностью культу Майтрейи [Chen Jinhua 2006: 137]. Исходя из этих фактов, можно предпо-

ложить, что майтрейянизм, процветавший в годы правления У Цзэтянь, продолжал пользоваться популярностью и при ее преемниках.

Судя по всему, Чжун-цзун, также, как и его мать У Чжао, испытывал особое почтение к мощам Будды из монастыря Фамэньсы. Как сообщается в «Чаое цянцзай», в пятнадцатый день второго месяца второго года Цзинлун (11 марта 708 г.) император, его жена-императрица Вэй, их дети и две сестры императрицы участвовали в церемонии поклонения мощам из Фамэньсы, которые все еще оставались в столице, после того как были доставлены туда в 705 г. по распоряжению императрицы У-хоу. Они поднесли по пряди своих волос в качестве подношения, после чего мощи были доставлены обратно в Фамэньсы [Chen Jinhua 2004:128]. Как сообщает тот же источник, примерно в это же время ко двору из Иньчжоу была доставлена удивительная женщина, на чьем теле проявлялись изображения пагод и Будд. Эта женщина была отправлена жить в дворцовую капеллу (кит. *нэйдаочань*) [Chen Jinhua 2004: 128]. После убийства императрицы Вэй в 710 г. она исчезла из дворца, и этот факт вызывает предположение, что, возможно, за ее появлением при дворе стояла императрица Вэй. Возможно, что Вэй, планируя захват власти в 710 г., так же, как и ее свекровь – императрица У Чжао, могла попытаться использовать буддизм в качестве политической пропаганды, о чем говорит появление при дворе женщины с буддийскими символами на теле, ее участие в церемонии поклонения мощам из Фамэньсы (как в свое время сделала У Чжао), и, наконец, ее открытое покровительство буддийскому монаху Хуэйфану.

Что касается самого Хуэйфана, то, очевидно, в качестве настоятеля монастыря Шэньшансы он также играл особую роль в сохранении наследия покойной У Цзэтянь (в данном случае, связанных с нею буддийских проектов) и распространения культа Майтрейи. По мнению Чэня Цзинхуа, замысел строительства монастыря Шэньшансы и статуи Будды в Чаньло также мог иметь в своей основе и глубокий социальный подтекст. Он обращает внимание на то, что оба эти проекта по времени соотносятся с упоминаниями о стихийных бедствиях: наводнении 705 г. и засухи 706 г. При этом Чэнь Цзинхуа ссылается на меморандум вышеупомянутого Сунь Угуаня, в котором тот упрекает правительство в том, что оно выделяет слишком большие средства на строительство буддийских храмов и воздвижение статуй, вместо того чтобы потратить их на борьбу со стихийными бедствиями [Chen Jinhua 2006: 149, 156, 157]. На этом основании он предполагает, что в планы Чжун-цзуна (и, возможно, Хуэйфана) входило

создание крупномасштабных строительных проектов, в которых можно было задействовать население, пострадавшее от наводнения и засухи, обеспечив, тем самым, его постоянной работой. В этом случае становится понятным то недовольство, которое вызывала деятельность Хуэйфана у придворных чиновников. Многие из них принадлежали к классу крупных землевладельцев и одновременно к кругу конфуцианских ученых (кит. *шидафу* 士大夫). Их ненависть к Хуэйфану, по мнению Чэня Цзинхуа, объяснялась идеологическими и социально-экономическими причинами [Chen Jinhua 2006: 157]. Выше уже говорилось о том явном предпочтении, которое двор Чжун-цзуна отдавал буддизму и даосизму, и как проконфуциански настроенные придворные в лице Сунь Угуаня открыто выражали свое недовольство этим. Что же касается строительства масштабных буддийских проектов (таких, как Шэньшансы и статуя Будды в Чаньло), то, очевидно, многие чиновники-землевладельцы опасались, что участие в них оторвет от занятия земледелием большое количество крестьян, что скажется неблагоприятным образом на положении сельского хозяйства и, соответственно, их благосостоянии [Chen Jinhua 2006: 157]. В этой связи становятся понятными обвинения в растрате государственных средств, выделенных на строительство Шэньшансы и статуи Будды в Чаньло, выдвинутые против Хуэйфана цензорами Сюэ Дэном и Мужун Сюном. Другие, часто выдвигавшиеся в адрес Хуэйфана обвинения в его незаконной связи с принцессой Тайпин, могли иметь следующие основания. В «Цзю Таншу» упоминается также о том, что Хуэйфан активно занимался торговлей, и его коммерческая деятельность простиралась вплоть до округов Чаньцзян 長江 и Цзяньгэ 劍閣 в юго-западной провинции Сычуань – районе, который играл важную роль в торговле между Китаем и странами Центральной и Южной Азии еще с периода Хань [Chen Jinhua 2016: 177]. Возможно, что в этом качестве Хуэйфан выступал также как представитель Тайпин в торговых операциях и посредник между ней и торговцами. То, что сама принцесса активно занималась торговлей, подтверждается сообщением из «Цзю Таншу» о том, что она вела дела с местными торговцами в местностях У, Шу и Линьнань [Chen Jinhua 2006: 152]. Другой эпизод из ее биографии также подтверждает то, что она умела использовать свои торговые связи в политических целях. Весной 711 г. в результате непрерывного противостояния между ней и принцем Ли Лунцзи император Жуй-цзун предложил ей на время покинуть столицу. В качестве места своего пребывания Тайпин выбрала округ Пучжоу 蒲州, который был из-

вестен как одно из мест добычи соли. Губернатором этого округа был ее сторонник Пэй Тан. По ее протекции он был назначен главным поставщиком соли в столицу, и вскоре Тайпин и Пэй Тан захватили монополию на поставку соли в столицу и ее окрестности. Благодаря этому Тайпин смогла создать собственную армию, якобы для защиты северных границ. Известие об этом встревожило ее племянника Ли Лунцзи, который настоял на том, чтобы принцессу вновь вернули в столицу [Chen Jinhua 2006: 155–156]. Поэтому, возможно, сообщения о том, что Тайпин и Хуэйфан продавали государственные должности своим ставленникам «сефэнгуань 斜封官», объясняются также их политическими стремлениями создать себе сторонников в государственном аппарате в процессе захвата верховной власти. Примечательно, что в «Цзю Таншу» также упоминается о том, что еще императрица У Цзэтянь в 700 г., в последние годы своего правления приглашала ко двору сычуаньского купца Сун Бацзи при посредничестве своего фаворита Чжан Ичжи [Chen Jinhua 2006: 155–156]. Поскольку в том же году она начала строительство статуи Будды в храме Байсыма, возможно, что императрица обращалась к представителям купечества как к источнику дополнительного финансирования своих буддийских проектов.

В борьбе за власть между Тайпин-гунчжу и принцем Ли Лунцзи решающим этапом стал 712 г. В 7-м месяце этого года на небе появилась комета, и по приказанию принцессы Тайпин придворные астрологи истолковали это явление как предвестие скорого восшествия на престол наследника. По ее замыслу Жуй-цзун должен был заподозрить Ли Лунцзи в заговоре и сместить его, но вместо этого император решил добровольно уступить престол сыну, который взошел на престол под именем императора Мин Хуана (Сюань-цзуна, 712–756 гг.). Тайпин-гунчжу смогла лишь добиться, чтобы указы и аудиенции Жуй-цзуна, принявшего титул Тайшан-хуан (Божественный удалившийся император), имели более высокий статус, чем указы вступившего на престол нового императора Сюань-цзуна [История Китая 2014: 270].

В первые месяцы правления племянника Тайпин сохраняла свое могущество, но молодой император не хотел с этим мириться. Осенью 712 г., с помощью Лю Юцю и генерала Чжан Вэя он попытался устранить влиятельных приближенных принцессы – Доу Хуайчжэня, Цуй Ши и Цэнь Си. Но об этом замысле стало известно Тайпин, и Сюань-цзун был вынужден отступить и сослать заговорщиков. В создавшейся напряженной ситуации принцесса решила действовать, и в 7-м месяце 713 г. она всту-

пила в заговор с несколькими сановниками с целью свержения Сюань-цзуна. Однако один из ее сторонников – Вэй Чжигу – донес об этом императору. По его приказу 29 июля 713 г. генерал Ван Маочжун во главе 300 гвардейцев вошел во дворец, арестовал и казнил сторонников принцессы – генералов Чан Юанькая и Ли Цы. Несколько десятков сторонников и родственников принцессы были схвачены и казнены, и в их числе монах Хуэйфан. Жуй-цзун, узнав о заговоре, распорядился о полной передаче дел правления полностью в руки Сюань-цзуна, а сам поселился в отдаленном дворце Байфудянь, где и оставался вплоть до своей смерти в 6-м месяце 716 г. [История Китая 2014: 270].

Узнав о провале заговора, принцесса Тайпин сначала попыталась скрыться в горном монастыре, но спустя три дня вернулась в свою резиденцию и по приказу императора совершила самоубийство 2 августа 713 г. Так с уходом Тайпин-гунчжу завершилась эпоха всевластия женщин при дворе Танской империи.

Можно сделать вывод о том, что после отстранения от власти и смерти императрицы У-хоу в 705 г. ее преемники также продолжали использовать буддизм в качестве идеологического средства борьбы за власть, о чем свидетельствует биография монаха Хуэйфана, который начал свою придворную карьеру при императрице У Цзэтянь, а впоследствии был доверенным лицом ее сына – императора Чжун-цзуна, его жены – императрицы Вэй и дочери У Цзэтянь – принцессы Тайпин. Благодаря этому он получил доступ к высоким придворным должностям и руководил масштабными строительными проектами государственного значения по строительству монастыря Шэньшансы и воздвижению статуи Будды в местности Чаньло. Последние факты также свидетельствуют о том, что Ли Чжэ также, как и его мать, придавал большое значение строительству в стране буддийских монастырей и сооружению статуй Будд как средству укрепления своей власти и, возможно, как способу трудовой занятости населения, пострадавшего от стихийных бедствий, на масштабных строительных работах.

Часть чиновничества, представители старой аристократии и местных элит, идеологи конфуцианства увидели в этой деятельности значительную угрозу своим интересам и также активизировали свои усилия для противодействия буддизму. Такие видные конфуцианские ученые, как Ван Тун, Хань Юй, Ли Ао выступили с идеями и инициативами, оформившимися впоследствии в неоконфуцианство, в котором наряду с заимствова-

ниями из буддизма содержалась его острая критика. Вместе с тем религиозная бюрократия буддийских монастырей в какой-то степени взаимодополняла усилия конфуцианской административной бюрократии. В наибольшей степени это проявлялась в области дипломатии, которая в период Тан особенно активизировалась. Буддийские паломники способствовали получению новой необходимой информации об окружающих странах и распространению китайской культуры за границы империи. Особое значение имели такие крупные международные монастырские центры, подобные Утайшаню, монахи которых могли оказывать воздействие на формирование внутренней и внешней политики государства.

Следует отметить, что другие женщины из императорской семьи (императрица Вэй, принцесса Тайпин) также пытались по примеру У-хоу добиваться верховной власти, используя при этом буддизм, о чем свидетельствует их открытое покровительство монаху Хуэйфану, однако их попытки оказались неудачными и, в конце концов, привели к их гибели. Тем не менее, буддийское наследие императрицы У Цзэтянь продолжало сохраняться и оказывать влияние уже на другие страны.

Статья подготовлена в рамках государственного задания проект «Государственно-религиозные отношения в странах современной Азии» № 122120500053-5.

Литература

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. III : Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). – М.: Наука, Вост. лит., 2014. – 976 с.

Chen Jinhua. Tang Buddhist Palace Chapels / Jinhua Chen // Journal of Chinese Religions, V. 32, Issue 1, 2004. – P. 101–174.

Chen Jinhua. The Statues and Monks of Shengshan Monastery: Money and Maitreyan Buddhism in Tang China / Jinhua Chen // Asia Major, China at the crossroads: A fest shrift in honor of Victor H. Mair. – 2006. – Vol. 19, №. ½. – P. 111–160.

Chen Jinhua. A Complicated Figure with Complex Relationships: The Monk Huifan and Early Tang Saṃgha-state Interactions / Jinhua Chen // The Middle Kingdom and the Dharma Wheel: Aspects of the relationship between the Buddhist Saṃgha and the state in Chinese history, ed. by Thomas Jülch, Sinica Leidensia, V. 133. – Leiden: Brill, 2016. – P. 140–221.

Forte Antonino. Political Propaganda and Ideology in China at the End of the Seventh Century: An Inquiry into the Nature, Authors, and Functions of the Dunhuang Document S.6502, Followed by an Annotated Translation / Antonino Forte. – Instituto Universitario Orientale. Seminario di Studi Asiatici. Napoli, 1976. – 312 p.

References

Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. / gl. red. C. L. Tihvinskij. T. III : Troecarstvie, Czin', Yuzhnye i Severnye dinastii, Suj, Tan (220–907). – M.: Nauka, Vost. lit., 2014. – 976 s.

Chen Jinhua. Tang Buddhist Palace Chapels / Jinhua Chen // Journal of Chinese Religions, V. 32, Issue 1, 2004. – P. 101–174.

Chen Jinhua. The Statues and Monks of Shengshan Monastery: Money and Maitreyan Buddhism in Tang China / Jinhua Chen // Asia Major, China at the crossroads: A fest shrift in honor of Victor H. Mair. – 2006. – Vol. 19, №. ½. – P. 111–160.

Chen Jinhua. A Complicated Figure with Complex Relationships: The Monk Huifan and Early Tang Saṃgha-state Interactions / Jinhua Chen // The Middle Kingdom and the Dharma Wheel: Aspects of the relationship between the Buddhist Saṃgha and the state in Chinese history, ed. by Thomas Jülch, Sinica Leidensia, V. 133. – Leiden: Brill, 2016. – P. 140–221.

Forte Antonino. Political Propaganda and Ideology in China at the End of the Seventh Century: An Inquiry into the Nature, Authors, and Functions of the Dunhuang Document S.6502, Followed by an Annotated Translation / Antonino Forte. – Instituto Universitario Orientale. Seminario di Studi Asiatici. Napoli, 1976. – 312 r.